

Гендер, нация и класс как ресурсы социальной мобильности*

ГАПОВА Е. КЛАССЫ НАЦИЙ: ФЕМИНИСТСКАЯ КРИТИКА НАЦИОСТРОИТЕЛЬСТВА. М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2016. 368 с. (БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС»). ISBN 978-5-4448-0584-8

Ирина Тартаковская

Кандидат социологических наук, доцент социологического факультета
Государственного академического университета гуманитарных наук,

старший научный сотрудник Института социологии РАН

Адрес: ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, Российская Федерация 117259
E-mail: lucia.richardson@gmail.com

«Классы наций» представляют собой сборник статей известного в русскоязычном пространстве специалиста в области гендерных исследований и феминистской теории Елены Гаповой, основательницы Центра гендерных исследований минского Европейского гуманитарного университета, в силу политических причин продолжившего потом свою деятельность в Вильнюсе (а сама Елена — в Western Michigan University в США). Эти биографические детали в данном случае важны, потому что рецензируемая книга носит не только академический, но и достаточно личный характер. Это не означает, что автор много рассказывает о себе, но практически все тексты написаны так, что можно почувствовать и личную интонацию, и постоянную рефлексию своей эпистемологической позиции, которая всегда является и политической позицией — в том смысле, в котором об этом писала Сандра Хардинг и многие другие авторы¹. Нациестроительство в новых постсоветских государствах, обострение классовых противоречий, взлет и политизация темы гендерных отношений, возникновение и развитие гендерных и феминистских исследований представляют собой не только сферу ее научных интересов, но и реальный контекст жизни и академической деятельности.

Возможно, благодаря этому книга написана очень живым языком и населена не только теориями и концептами, но и конкретными героями (чаще героинями) — историческими фигурами, медийными персонажами, участницами различных

© Тартаковская И. Н., 2017

© Центр фундаментальной социологии, 2017

DOI: [10.17323/1728-192X-2017-2-340-347](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-2-340-347)

* Текст подготовлен в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории», поддержанного Российским научным фондом (грант № 14-28-00217-П).

1. Harding S. (1994). Science is «Good to Think with» // Ross A. (ed.). The Science Wars. Durham: Duke University Press. P. 17–21.

конфликтов и жертвами социальных и культурных разломов. Объектами социологического и феминистского анализа становятся участницы группы Pussy Riot и юная невеста чеченского силовика Хеда Гойлабиева, Светлана Алексиевич и студентки МГУ, снявшиеся в белье, чтобы порадовать своего и нашего президента, забытая героиня борьбы за независимую Беларусь и коллеги — гендерные исследователи. Все это происходит не в ущерб академической значимости сборника, но делает его очень читабельным, притом не только для социальных ученых, но для любых читателей, которым эти темы могут быть интересны. Этот сборник очень удобно, наверное, использовать в дидактическом плане, разбирать со студентами — что я и собираюсь сделать в ближайшем учебном семестре.

Все эти тексты в той или иной версии были уже опубликованы ранее, а некоторые достаточно хорошо известны в профессиональном сообществе, но будучи собранными вместе, они приобретают дополнительный смысл и производят эффект взаимной интерференции: получается своего рода эпопея, в которой гендер, нация и класс становятся полноценными персонажами наряду с людьми из плоти и крови, взаимодействуют и соперничают между собой, а иногда подавляют и поглощают друг друга.

Главным героем в этой «драме с несколькими актерами», как определяет свое творение сама автор, несомненно, является класс. На различных примерах, в разном историческом контексте Гапова обнаруживает свидетельства работы классовых механизмов, борьбы социальных групп за экономические, социальные и культурные ресурсы. Так, например, в первом, программном тексте «О гендере, нации и классе в посткоммунизме», открываямом сборник, она анализирует формирование «гендерной риторики» деятелей национально-ориентированной белорусской оппозиции, и находит, что эта риторика не только глубоко патриархальна — женские тела, женские судьбы оказываются собственностью нации и ареной политической борьбы, что всегда характерно для националистических движений, как показала Н. Ювал-Дэвис², — но и опосредована классовыми интересами. «Владение женщинами и их потребление есть классовый маркер, который выполняет функцию наделения маскулинностью как атрибутом «западного», т. е. капиталистического — в смысле обладания ресурсами, возможностей получения дохода и способов потребления — класса», — пишет Гапова (с. 41). Это очень характерная цитата, позволяющая хорошо представить теоретическую оптику автора: она показывает здесь пересечение гендерного, национального и классового неравенства в виде некой формулы, в которой доминирующий класс оказывается не только мужским, «потребляющим женщин», но и «западным» — не в буквальном смысле, но подражающим западным способам получения дохода и стилям потребления. Применительно к постсоветской Беларуси «западное» (скорее, западническое, ориентированное на Запад и заодно провозглашающее своей целью национальную независимость) оказывается заодно и капиталистическим. Собственно, и вся

2. Yuval-Davis N. (1997). Gender and Nation. London: SAGE. P. 39–67.

национальная идея сводится, с ее точки зрения, к тому, чтобы «оправдать систему классового и гендерного неравенства, прикрывая ее истинные значения более «благородным» национальным интересом» (с. 33), — «невозможно было позвать людей на баррикады, сказав: «Мы тут строим экономическое неравенство — присоединяйтесь к нам!» (с. 25). Таким образом, нация оказывается не просто «выдуманным сообществом», но совсем уж простой, жульнической выдумкой, прикрывающей желание быстро присвоить пока еще свободные ресурсы, оставшиеся от советского прошлого. Собственно, тема нации в сборнике, несмотря на название, довольно быстро уходит на второй план, точнее, полностью поглощается классовой: вынесенное в заголовок выражение «классы наций» можно понимать практически буквально, потому что национальное имеет смысл лишь как нехитрая (но почему-то эффективная) маскировка классовых интересов.

Примерно так же обстоит дело и с гендерной иерархией — по мнению автора книги, «дискуссии о гендерном равенстве могут быть способом обсуждения предпочтаемого общественного устройства: социализма и капитализма» (с. 115), причем за гендерное равенство, разумеется, отвечает социализм. Это предположение само по себе кажется мне большой натяжкой — в общественных дебатах чрезвычайно редко проводятся подобные сопоставления, поскольку гендерное не/равенство не ассоциируется обычно ни преимущественно с социализмом, ни с капитализмом, более того, в исследованиях советского и постсоветского гендерного порядка принято считать, что речь идет именно о разных типах патриархата, т. е. неравенства³. Гапова этого, в общем-то, не отрицает напрямую, признавая, что «критики советской модели эмансипации в западной славистике [хотя далеко не только они. — И. Т.] нередко отмечали, что большевики были озабочены не столько правами женщин, сколько получением рабочей силы, необходимой для ускоренной индустриализации страны], — но уже в следующем предложении замечает: «Однако собственно „цель“ в данном случае не так важна (хотя стремление ликвидировать гендерное неравенство, которое еще со времен „Коммунистического манифеста“ считается в марксизме продолжением классового, несомненно): женская эмансипация невозможна вне экономической независимости, получаемой на основе трудовой деятельности (но не ренты или содержания). Советский эмансипационный проект начал распадаться вместе с деиндустриализацией...» (с. 102).

«Коммунистический манифест», конечно, является авторитетным документом, но, боюсь, не самым сильным доказательством честности и успешности советского «эмансипационного проекта». Тем более что, по мнению автора, этот проект продолжал себе осуществляться не только в первые послереволюционные годы, когда действительно был принят целый пакет законов, направленных на установ-

3. Ашвин С. (2000). Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социологические исследования. № 11. С. 63–72; Здравомыслова Е., Темкина А. (2007). Советский элакратический гендерный порядок // Здравомыслова Е., Темкина А. (ред.). Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во ЕУСПб. С. 96–137.

ление гендерного равенства, но и все советские годы, вплоть до деиндустриализации 1990-х: включая, видимо, сюда и сталинский запрет абортов, и ЧСИРовские женские лагеря, и красноречивое отсутствие женщин на всех сколько-нибудь значимых уровнях власти вплоть до последних советских лет... Конечно, если понимать его буквально в качестве вовлечения женщин в трудовую деятельность, то тут трудно поспорить: здесь был достигнут значительный успех, которому особенно способствовал закон о тунеядстве. Но назвать всю эту политику «эмансипацией» лично у меня язык бы все-таки не повернулся.

Не удержусь от еще одной цитаты: вышеупомянутые рассуждения включены в статью «Предложение, от которого невозможно отказаться...», в которой, собственно, речь идет о «неравном браке» 17-летней Хеды Гойлабиевой и немолодого чеченского силовика. Это событие служит для автора поводом для анализа гендерных отношений в Чечне, которые деградировали до «моральной экономики деревни» (по сравнению с куда более продвинутыми советскими, когда подобный брак, видимо, был бы невозможен). Я не хочу сейчас оспаривать эту гипотетическую возможность/невозможность, меня просто «зацепила» одна чисто стилистическая деталь: понятие «моральная экономика деревни» было предложено экономистом А. Чаяновым, на которого автор статьи честно ссылается, кратко оговорив: «впоследствии погибшим» (с. 104). Ну как погибшим — расстрелянным в 1937 году, в ходе самой что ни на есть индустриализации... Я не то чтобы считаю, что об этом факте обязательно упоминать в данном контексте, но если уж упоминать — стоит договорить до конца. Что, правда, немного эмоционально подорвет критический пафос описания последствий деиндустриализации...

Рецензируемый сборник при этом не стоит упрекать в апологетике советского прошлого, эти примеры и стилистические ходы нужны автору для совершенно определенной теоретической цели, а именно для того, чтобы показать, что за любыми видами неравенств, иерархий и исключений всегда стоят именно классовые отношения. С этим тезисом, вообще говоря, довольно трудно спорить: экономическое неравенство, описанное хоть в терминах классов, хоть социальных капиталов, является одним из важнейших измерений социальной матрицы. Но для автора оно становится не просто важнейшим из важнейших, а практически единственным: Гапова видит классовые противоречия не только источником гендерного неравенства, по отношению к которому собственно гендерные иерархии всегда вторичны, но и причиной идеологических споров и в постсоветской академии, и в феминистской среде. Одна из ранее опубликованных статей автора буквально так и называлась: «Классовый вопрос постсоветского феминизма, или Об отвлечении угнетенных от революционной борьбы»⁴. Постсоветский феминизм позиционировался в ней именно как вредное заблуждение, а скорее всего, даже и идеологическая диверсия, отвлекающая трудящихся от верного пути на баррикады. Конечно, прибегая к столь суровой лексике раннего марксизма, автор слегка иронизирует,

4. Гапова Е. (2007). Классовый вопрос постсоветского феминизма, или Об отвлечении угнетенных от революционной борьбы // Гендерные исследования. № 15. С. 144–164.

привлекая внимание к своей позиции с помощью интеллектуальной провокации, или, говоря современным языком, троллинга. Но только слегка...

Снова и снова Е. Гапова присоединяется к аргументам влиятельного феминистского автора Нэнси Фрэзер, противопоставившей борьбу за «распределение» материальных ресурсов (применительно к гендерному порядку это могут быть материнские пособия, доступные детские сады и т. п.) борьбе за «признание» — автономию и достоинство, характерной для второй волны феминизма⁵. Это не означает, конечно, что Гапова что-то имеет против борьбы за достоинство, но в постсоветских условиях неолиберальных экономик — или даже протекционистских, белорусского типа — отдает первому виду борьбы безусловный приоритет. И даже более того: в том, что большинство постсоветских феминистских авторов пишут, скорее, с позиций борьбы за «признание», чем за «перераспределение», она видит не просто их заблуждение, но классовую позицию. Этой теме посвящена статья «Национальное знание и международное признание: постсоветская академия в борьбе за символические рынки» (с. 249–291). С самим очерком, описывающим функционирование постсоветской академии — глубоко расколотой, ориентирующейся на разные авторитеты и референтные группы, зависящей от различных внешних ресурсов, не согласиться сложно, это очевидные вещи. Но здесь любопытны детали: позиция социальных ученых-«западников», ориентирующихся на нормы международного академического сообщества, стремящихся печататься в престижных западных научных журналах и работать в независимых университетах и исследовательских центрах, оказывается тоже «классовой», или, по крайней мере, имеющей классовые корни. Для того чтобы этот факт стал наглядным, автор статьи специально вводит понятие эпистемологического капитала, являющегося частным случаем культурного капитала в терминах Бурдье⁶. В качестве такого капитала выступает «особое», элитарное знание, которым владеют ученые такого типа (в отличие от «традиционных» вузовских и научных работников, которые, по мнению Гаповой, до сих пор ориентируются на советские академические нормы) — западные теории, знание иностранных языков... Более того, по мнению автора, этот капитал был в какой-то степени получен ими по наследству: все они позаканчивали в свое время английские спецшколы, жили в столицах и еще в советское время имели доступ в спецхраны библиотек, куда обычных людей не пускали. Там, в спецхранах, они и находили правильные книги ключевых международных авторов, которые позволили им потом с лету вписаться в западные академические дискурсы и капитализировать свое «особое знание». Капитализировать — потому что, с точки зрения Гаповой, они и поныне имеют привилегированный статус: зарабатывают в своих независимых университетах, как в западных, в любой момент могут пропустить семестр, чтобы поработать за границей, и т. п. Короче говоря, нужды обычных трудящихся им не близки, в ре-

5. Fraser N. (1995) From Redistribution to Recognition? Dilemmas of Justice in a 'Post-Socialist' Age // New Left Review. Vol. 212. P. 68–93.

6. Bourdieu P. (1988). *Homo Academicus*. Stanford: Stanford University Press.

зультате чего они и предлагают им такие теории и такую публичную позицию, которая только отвлекает их от классовой борьбы... В полной мере это относится и к постсоветским специалистам по гендерным исследованиям.

Здесь трудно, конечно, не сбиться на ернический тон, потому что в памяти всплывают шаблоны газеты «Правда», если не «Завтра», или даже можно вспомнить прослушанный в юности курс научного коммунизма и обозвать всю эту систему аргументации «вульгарным марксизмом» — было, помнится, такое меткое выражение в адрес тех, кто применял идеи классиков слишком линейно: даже с точки зрения очень ортодоксального марксизма идеологический аппарат работает несколько сложнее. Но если все же удержаться от этой терминологии, стоит заметить, что значительное большинство гендерных исследователей и феминистски ориентированных авторов в России работает не в независимых исследовательских центрах, а в обычных провинциальных университетах, знание иностранного языка очень недолго было исключительной привилегией столичных «мажоров», не говоря уже о доступе к другим видам «эпистемологического капитала». Кстати, о спецхране — просто из личного опыта хорошо помню, что работы того же Бурдье, Дерриды и, например, Фуко в позднесоветское время были в открытом доступе в Ленинской библиотеке, там же я без всяких препятствий познакомилась когда-то с первыми в своей жизни феминистскими книгами. Ну да, Российская государственная библиотека, она же бывшая «Ленинка», находилась и по сей день находится в Москве, но, например, из моей родной, вполне себе провинциальной Самары не одна я, а большинство аспирантов-гуманитариев (а часто и дипломников) ездили туда для работы над диссертацией. «Эпистемологический капитал» лежал перед нами свободными грудами еще до массового внедрения в нашу жизнь Интернета, а сейчас о феминизме как об «особом знании» и вовсе странно говорить...

Если же перейти от личных историй на более теоретический уровень, то, не разворачивая сейчас критические аргументы по поводу подхода Н. Фрэзер⁷, поскольку подробное освещение этой дискуссии выходит за пределы задач данной рецензии, хочу все же отметить, что здесь мы имеем еще одну попытку несчастливого брака между марксизмом и феминизмом: как явствует из хрестоматийной статьи Хайди Хартманн⁸, феминизм в таком союзе обычно не выживает, а растворяется без остатка...

На примере большого исследовательского проекта «Межпоколенная социальная мобильность...», в котором я сейчас работаю, мне снова и снова приходится

7. А таких аргументов выдвинуто уже немало, например: Kompridis N. (2007). Struggling Over the Meaning of Recognition: a Matter of Identity, Justice, or Freedom? // European Journal of Political Theory. Vol. 6. № 3. P. 279–281; Young I. (1997). Unruly Categories: A Critique of Nancy Fraser's Dual Systems Theory // New Left Review. Vol. 222. P. 147–160; Xu D., Hong X. (2015). Critical Reflection on Nancy Fraser's Theory of Justice // Cross-Cultural Communication. Vol. 11. № 9. P. 43–47.

8. Hartmann H. (1986). The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: Towards a More Progressive Union // Sargent L. (ed.) The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: A Debate on Class and Patriarchy. London: Pluto Press. P. 1–41.

убеждаться в том, что единственная возможность корректно определить траектории социальной мобильности и конфигурации реального неравенства заключается в интерсекциональном подходе, который позволяет рассматривать социальные статусы, практики, идентичности как результат сложного взаимодействия множества взаимосвязанных параметров социальной дифференциации. Я полностью согласна с точкой зрения Ювал-Девис, указывающей, что их взаимодействие всегда контекстуально, и ни один из факторов не является жесткой детерминантой по отношению к другому⁹. Анализ буквально каждого интервью показывает, что гендер определяет жизненные шансы представителей разных социальных групп, служит барьером и горизонтом возможностей, короче говоря — имеет значение. Равно как и возраст, и, конечно же, класс. Попытка объявить только одно измерение неравенства «главным», а остальные — не столь актуальными, может оказаться полезной для построения условной модели, но попытка серьезно объяснять таким образом социальную реальность не будет выглядеть убедительной.

Так, например, в заключении к одной из статей сборника Гапова пишет: «В классовом характере происходящих на постсоветском пространстве социальных процессов скрывается и причина отсутствия здесь сколько-нибудь значимого женского движения» (с. 43). Возможно, но в этой логике мы должны наблюдать здесь значимое движение эксплуатируемых классов за перераспределение ресурсов и против социального исключения — но со всей очевидностью не наблюдаем, и вряд ли из-за того, что их отвлекают от классовой борьбы феминизмом. Более того, попытки различных политических акторов (да хоть той же КПРФ) продвигать «социальную повестку» не встречают в обществе никакого особого отклика. И хотя бы из этого простого примера можно заключить, что социальная и идеологическая система функционирует гораздо сложнее...

Все вышесказанное, конечно, не столько критика, сколько попытка включиться в дискуссию, и совершенно не отрицает несомненных достоинств книги, в которой рассматривается еще много увлекательных сюжетов, кроме классовой борьбы. Лично мне больше всего понравилась статья, посвященная расстрелянной в 1930-е годы белорусской революционерке Полуте Бодуновой, в которой автор предлагает анализ ее воспоминаний — всего нескольких сохранившихся страничек, оставшихся непонятными и невостребованными. На этом примере Гапова показывает трагизм попыток «женского письма», не имеющего в своем арсенале ни выразительных средств, ни ресурсов авторитета, гарантирующего внимание слушателей. В главе о Светлане Алексиевич она аргументированно показывает различную роль бедности и страдания в советской и постсоветской моральной идеологии, и это один из лучших прочитанных мною текстов на эту тему.

Таким образом, в ряду попыток разобраться в происходящем на постсоветском пространстве и предложить оригинальный, хотя и небесспорный, анализ текущих

9. *Yuval-Davis N. (2006). Intersectionality and Feminist Politics // European Journal of Women's Studies. Vol. 13. № 3. P. 193–210.*

событий «Классы наций» является яркой книгой и, безусловно, заслуживает самого серьезного внимания.

Gender, Nation, and Class as Social Mobility Resources

Irina Tartakovskaya

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, State Academic University for the Humanities

Senior Research Fellow, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences

Address: Krzhizhanovskogo str., 24/35, bld. 5, Moscow, Russian Federation 117259

E-mail: lucia.richardson@gmail.com

Review: Elena Gapova, *Klassy nacij: feministeskaja kritika naciostroitel'stva* [Nation's Classes: A Feminist Critique of the Nation-Building] (Moscow: New Literary Observer, 2017) (in Russian).